
В. Ф. ПЕТРЕНКО

КОМАНДАНТЕ АКОПО И ЕГО МОДЕЛЬ НЕЛИНЕЙНОГО БУДУЩЕГО¹

От лица редколлегии журналов «Методология и история психологии» и «Общественные науки и современность», где А. П. Назаретян неоднократно публиковался и где мы с ним являлись членами редколлегии, выражаю соболезнования его родным и близким и скорблю по невозполнимой утрате. В качестве воспоминания о научной деятельности Акопа Погосовича предлагаю мою рецензию на его книгу «Нелинейное будущее».

Написанная ярким и доступным языком, содержащая множество занимательных примеров из истории, не лишенная некоторой авторской отстраненности и иронии, книга Акопа Погосовича Назаретяна (2013) представляет собой фундаментальный научный труд по истории прошлого и будущему человечества и направлена на выделение наиболее общих принципов бытия. Временной масштаб, в котором рассматривается история, и ее экстраполяция в будущее выходят за рамки существования человеческого рода и простираются от момента Большого взрыва до дальних временных пределов существования постчеловеческого разума. Поэтому жанр книги А. П. Назаретяна относится скорее к тематике «Big History» или глобальному эволюционизму, где сама жизнь, биота и, наконец, человеческий род – лишь один из этапов (конечно, наиболее значимый для нас как представителей этого рода) глобального движения космической эволюции.

Образ будущего не является «опережающим отражением» еще не ставшего бытия, а, скорее, представляет собой конструктивную модель сознания, включающую проекцию коллективного бессознательного и индивидуального опыта предсказателя, экстраполированных в грядущее. При этом сам прогноз влияет на выбор возможных путей развития и, став фигурой общественного или индивидуального сознания, материализуясь в поступках людей, стано-

¹ Первая версия статьи была опубликована в журнале «Вестник Российской академии наук» (Петренко 2014).

вится тем самым прогнозом самореализующимся. В силу этого рассуждения о прошлом и будущем лично значимы, проективны и зависят от нравственных и политических установок автора. Так, У. Черчилль в свое время назвал Россию страной с непредсказуемым прошлым, ибо в зависимости от доминирующей идеологии, которая в России менялась за последнее столетие как минимум три раза, менялся и официальный взгляд на историю. С другой стороны, выбор интерпретации – «вист ответственный», и своим прогнозом автор может повлиять на становление самого будущего. Так, Карл Маркс, строя идиллию бесклассового общества, вряд ли предполагал, какого демона насилия он выпустил, озвучив идею классовой борьбы как пути к этому будущему. В этом плане трактовка прошлого и понимание прогноза будущего в моей рецензии на новую книгу А. П. Назаретяна не может быть описана в отрыве от системы ценностей и личности самого Акопа Погосовича – личности яркой, самобытной и нетривиальной.

Акоп Погосович, как многие из нашего послевоенного поколения, родился в семье офицера-фронтовика, в бывшем тогда многонациональном городе Баку, в армянской семье. После окончания школы поступил в институт иностранных языков им. Мориса Тореза, выбрав карьеру переводчика. По окончании института способный молодой человек с безупречной анкетой был приглашен в Институт общественных наук при ЦК КПСС, который в те времена готовил кадры для мирового коммунистического движения. В отличие от Академии ЦК КПСС, где обучались партийные функционеры и существовала гнилая атмосфера карьеризма и начетничества, в институте, ориентированном на работу с иностранцами, царил живой дух и был разнообразный, весьма колоритный контингент учащихся. От неграмотных никарагуанских партизан, борющихся с империализмом янки, до либеральных европейских интеллектуалов, разочарованных в обществе потребления. Многие из них, особенно из стран третьего мира, находились у себя на родине на нелегальном положении. Благодаря Акопу я был знаком с некоторыми из них. Вспоминаю яркую фигуру Карлоса Пинто Брага – доброго великана со следами пыток на теле, «бравшего» на нужды революции банки в Бразилии. Карлос окончил институт и, хотя ему предлагали продолжить обучение в аспирантуре, уехал воевать в Анголу. «Нельзя есть даром хлеб чужой страны, когда на родине дети голодают», – пояснил он мне свое решение. Под стать ему была и его боевая подруга Кармен. Революционная романтика в духе

Че Гевары не могла оставить равнодушным ни Акопа, ни даже меня, мечтавшего о карьере ученого и исповедующего философию ненасилия.

Хорошее знание испанского языка и колоритная восточная внешность (то ли армянин, то ли перс, то ли латиноамериканец) позволили Акопу, не вызывая ненужного внимания, совершать командировки в страны Латинской Америки, бывать в партизанских отрядах и даже нелегально переходить границы.

Будучи преподавателем, «команданте Акопо» (так его звали студенты) учил и учился сам, стремясь осмыслить всю сложность и многомерность социальных процессов. В рецензируемой книге описан проанализированный Назаретяном феномен трансформации («перевертыша») стереотипов сознания. Так, многие приехавшие в Россию учащиеся из стран третьего мира имели весьма восторженные, но упрощенные представления о стране победившего социализма. Раз в стране нет эксплуатации человека человеком (термин «коррупция» тогда еще не был в моде), то и нет причин для криминального поведения, полагали они. Советский Союз в их представлении был земным раем.

Акоп рассказывал о забавном случае, как на сальвадорского партизана, боевого командос напали двое грабителей с ножами. Обезоружив нападающих и держа их за шкирки, коренастый крепыш несильно сталкивал их лбами, приговаривая: «Нельзя брать чужое, надо быть интернационалистом, надо быть достойным “советико”». При столкновении с несправедливостью и лицемерием, которых было достаточно в СССР, некоторые из этих восторженных поклонников социализма подчас меняли свои установки на противоположные и уезжали с негативными стереотипами по поводу нашей страны. Будучи преподавателем и даже руководителем «ознакомительных практик учащихся с советской действительностью», Акоп стремился показать эту действительность в более многомерном ракурсе, содержащем как позитивные, так и негативные моменты. Насколько это было возможно, он стремился показать не гляцевые потемкинские деревни, а реальную жизнь во всей ее полноте, увеличивая когнитивную сложность и многомерность сознания своих подопечных и противодействуя тем самым стереотипности их мышления.

Его новая книга также расширяет сознание читателя, увеличивает когнитивную сложность и учит избегать стереотипов простых решений и линейных экстраполяций. Более того, книга построена

так, что содержит в себе массу парадоксов и является достойной реализацией неординарной личности самого автора. Надо быть очень отчаянным нонконформистом, чтобы в одной из своих публикаций (Назаретян 1995) объявить **истину** мифологическим понятием, производным от религиозного мышления.

Более поздние по времени публикации по постнеклассической рациональности (Степин 2003а; 2003б), по методологии конструктивизма (Петренко 2013) и ряд круглых столов по эпистемологии и теории познания, инициированных журналом «Вопросы философии» (Лекторский и др. 2008), показали, что за эпатажным названием статьи Назаретяна скрывалось глубокое содержание. Ниспровергатель основ и государственный деятель в политике, носитель семейных ценностей (так присущих армянским семьям) и страстный любитель женщин, возможно, из-за приобретенного им латиноамериканского менталитета (одна знакомая кубинка жаловалась на холодность русских мужчин: «Ни тебе ухаживаний, ни комплиментов»). Настоящий мужчина (мачисто) не даст женщине пройти, не отвесив ей, впрочем, весьма почтительно, комплимента), наконец, прекрасно знающий армянскую историю и язык, Акоп Назаретян – пример истинного космополита, противника национальных барьеров и примитивного патриотизма. В опубликованном им недавно манифесте он предлагает программу объединения закавказских республик (бывших недругов и даже врагов) в единую конфедерацию, аргументируя целесообразность такого действия экономическими и политическими соображениями (ведь когда-то Иван Грозный разорял Новгород и Казань, входящие ныне в одно государство, а еще раньше Московское княжество воевало с Рязанским).

Многомерность мировосприятия интеллектуала, независимость мышления, отсутствие страха по отношению к трудным проблемам, тяга к парадоксам, нонконформизм в социальных установках – все эти качества А. П. Назаретяна определили стиль его фундаментального труда. Неслучайно он начинает книгу с описания встречи советского разведчика А. С. Феклисова, находившегося в США под прикрытием роли журналиста, и американского тележурналиста Дж. Скали, близкого к клану президента США Джона Кеннеди, проходившую в разгар Карибского кризиса, грозившего вооруженным противостоянием (возможно, с применением атомного оружия) между СССР и США и в худшем варианте развития событий ставящего под вопрос само существование земной цивили-

лизации. В ходе встречи в вашингтонском ресторане обсуждались возможные взаимные компромиссы, позволяющие предотвратить вторжение американских войск на Кубу (где находились 40 тысяч советских военнослужащих и был почти завершен монтаж 42 ракет с ядерными боеголовками) и, как ответное действие, оккупацию советскими танками Западного Берлина (контролируемого американскими, английскими и французскими подразделениями), а также, как следствие этого, неизбежное перерастание холодной войны в третью мировую. Не наделенные политической властью переговорщики проявили собственную инициативу, и их готовность взять риск политической ответственности на себя определила возможность разрешения кризиса с минимальными потерями для конфликтующих сторон. Я думаю, не случайно Акоп начал изложение своих эволюционных концепций с этого «запева». Не безличные законы эволюции, с жестким детерминизмом управляющие политическими событиями, а живые, думающие и способные принимать на себя ответственность люди двигают историей. За образом Феклисова, а за ним и Акопа я даже вижу героический образ безумного идадьго Дон Кихота, хотя это, конечно, вольная аналогия и Назаретян вполне убедительно показывает возможность свободы выбора в ограниченном диапазоне того, что на данный момент времени позволяет уровень цивилизации.

Первая и большая часть книги Назаретяна посвящена прошлому и тому, как в менталитете человечества вызревали идеи эволюции и прогресса. Существенный прорыв в методологии комплексного исследования Назаретяна связан с моделями самоорганизации. В разных странах они получили различные названия: синергетика, теория диссипативных структур (И. Пригожин), теория хаоса или теория сложности. По мере того как обнаружились единые механизмы возрастания и сохранения сложности в системах различного уровня организации, удалось и классифицировать основные угрозы устойчиво неравновесным процессам сложных саморегулирующихся систем, и выявить механизмы обострения и преодоления кризисов. Разделяя взгляды Э. Леруа, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского о превращении биосферы в ноосферу, Назаретян обосновывает гуманитарные механизмы такого превращения.

Эволюция человеческого менталитета, согласно Назаретяну, шла во взаимосвязи с хозяйственно-производственной деятельностью. Первобытный охотник-собиратель жил вне времени в настоящем, так как его прогноз будущего был ограничен повседневными нуж-

дами. Назаретян приводит забавный пример, взятый из жизни одного из сохранившихся до наших дней первобытных племен. Члены этого племени не сознавали и отрицали связь половой жизни и деторождения. То есть достаточно разнесенное во времени зачатие и рождение ребенка не позволяло архаичному мышлению осознать причинно-следственную связь этих событий. На соответствующий вопрос антрополога Б. Малиновского о том, откуда же тогда берутся дети, туземец ответил, что ведь рожают все женщины, а кто же спит с некрасивыми? Стоит отметить также отсутствие моногамии в первобытном племени и господство промискуитета.

Чувство времени, а затем и соответствующее понятие возникает при переходе от собирательно-присваивающего способа хозяйственности к земледелию. Нужна революция в сознании первобытного человека, чтобы понять смысл закапывания съедобного зерна в почву и ожидания длительного срока, пока эти зерна дадут всходы и созреет урожай. Акоп связывает первоначальное возникновение этой формы хозяйствования с ритуалом жертвоприношения зерен матери-земле, а уж потом открытие целесообразности такой деятельности и для житейских нужд.

Аналогично первобытному охотнику требовался относительно долговременный прогноз, чтобы не убивать животное сразу, а кормить в ожидании от него многочисленного потомства, которое хозяин может использовать для собственных нужд, когда это необходимо. Акоп описывает пример неудавшейся попытки «Фонда развития» облагодетельствовать племя дикарей, подарив им высокопродуктивных коров. Туземцы были очень довольны, но после ухода белых благодетелей сразу же съели бедных животных. А. П. Назаретян приводит и более драматичные примеры, когда столкновение с благами цивилизации приносит не готовым к таким цивилизационным новшествам только вред. Как говорится, не в коня корм. «В начале XIX века новозеландские аборигены маори, пристрастившись к привезенным европейцами ружьям, за двадцать лет перебили четверть населения. Горные кхмеры, освоив во время Вьетнамской войны американские карабины, за несколько лет истребили фауну, на которую их предки охотились столетиями, и едва полностью не перестреляли друг друга. Этот сценарий провокации антропогенных катастроф подробно описан в этнографической литературе, которая изобилует схожими эпизодами, имевшими место в Азии, Австралии, в Америке и в Африке: современное оружие

в сочетании с первобытным мышлением грозит племенам самоубийственными последствиями» (Назаретян 2013: 109).

Чувство времени, идеи эволюции и прогресса следуют за усложнением жизнедеятельности человека. Древний мир не знает идеи эволюции. «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “Смотри, вот это новое”, но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1: 9–10).

Ощущение изменяющегося мира зафиксировано уже в Новом Завете, где развертка истории от создания мира к грехопадению, приходу искупителя первородного греха, распятию и ожиданию второго пришествия Христа и Страшного суда задавала историческую перспективу человеческой истории. Рефлексия же этого мировосприятия возникла много позже. Согласно энциклопедическим источникам, термины «эволюция» и «инволюция» первоначально сформировались в военном лексиконе Франции XIV в. и означали соответственно развертывание войск в боевой порядок и свертывание боевого порядка при движении на марше. В XVIII в. Ш. Бонне ввел термин «эволюция» в эмбриологию. Слово «развитие» в современных европейских языках – калька с латинского *evolution*, сохраняющая (ср. англ. *development*, исп. *desarrollo* и т. д.) прозрачную аллюзию с образом развертывающегося свитка или клубка.

Дарвиновская теория происхождения видов как борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных дала мощный толчок концепции эволюции и способствовала ее переносу Г. Спенсером в социологию. Совсем иначе, пишет А. П. Назаретян, выглядит биологическая история при рассмотрении биосферы как единой системы, существовавшей и изменяющейся на протяжении миллиардов лет. Согласно теории панспермии и представлениям Г. Рихтера, Г. Гельмгольца, У. Томсона, поддержанным отечественными учеными академиком А. Ю. Розановым и астрофизиком А. Д. Пановым, жизнь имеет космическое происхождение и была занесена на Землю в виде сложных аминокислот или даже простейших организмов кометами и метеоритами. «Жизнь возникла не в форме отдельной первичной клетки, – цитирует Назаретян биолога Ю. В. Чайковского, – а в форме совокупности (ценоза) биохимических реакций; позже ценоз разделился на отдельные организмы (на множество разнородных первичных клеток)... Органические реакции одна за другой встраивались в неорганические

геохимические круговороты, постепенно делая их органическими, точнее, биогеохимическими» (Чайковский 2006: 9–10). По мысли академика А. С. Спирина (1986), через какое-то время после остывания Земля представляла собой Солярис – гигантский организм. Спустя еще какое-то время Солярис начал дробиться на плавающие и растущие организмы. Произошел переход от целостной системы к раздробленной, в которой образовавшиеся организмы стали поедать друг друга. Отметим удивительную гипотезу возникновения жизни на Земле, представленную синтезом идей С. Лема, Ю. В. Чайковского и А. С. Спирина, которую разделяет А. П. Назаретян и которая противоречит нашим школьным знаниям. Тем не менее эти идеи, на мой взгляд, перекликаются с гениальным трудом Анри Бергсона «Творческая эволюция» (Бергсон 1998), где существование эмпатии и интуиции переживаний одного живого существа другим (например, осы, безошибочно наносящей парализующий укол в ганглии насекомого, поскольку она интуитивно чувствует местоположение этих ганглий) объясняется тем, что живые существа имеют общий источник происхождения.

Переходя к эволюции человеческого рода, Назаретян рассматривает прогресс человечества как поэтапное усложнение его сознания, но, в отличие от биологической эволюции, осуществляющееся за счет развития орудийных средств, опосредствующих ментальные процессы. В этом плане Назаретяна вполне можно отнести к последователям культурно-исторической теории Л. С. Выготского. Близок Назаретян и к идеям другого русского гения – В. И. Вернадского. Красной нитью через всю книгу Назаретяна проходит идея эволюции перехода от Большого взрыва и кварк-глюонной плазмы к эволюции звездных систем, Солнечной системы и Земли, а затем, с развитием антропогенеза, и к человеческой цивилизации, постчеловечеству и синтезу человеческой и машинной цивилизации.

Развивая культурно-исторический подход Л. С. Выготского и представления А. Н. Леонтьева о человеческой истории как истории постановки нравственных задач, А. П. Назаретян выдвигает собственную теорию влияния этических регуляторов на эволюцию человечества, названную им законом техно-гуманитарного баланса. Прелюдией к этой теории выступает анализ степени агрессии и насилия в различные периоды человеческой истории. Безусловным достижением концепции Назаретяна является разработка им количественной меры оценки агрессивности, названной коэффициентом

кровопролитности. Этот коэффициент определяется как отношение среднего числа убийств в единицу времени (в расчетах Назаретяна на срок в столетие) к численности населения на этот период времени. Опираясь на доступные исторические источники и проведя соответствующие вычисления, автор пришел к парадоксальному выводу о том, что, несмотря на возрастание убойной силы оружия (от каменных топоров в эпоху неолита к современным ракетам с ядерными боеголовками), коэффициент кровопролитности из века в век снижался. Двадцатый век, несмотря на две мировые войны и локальные конфликты (унесшие сопоставимое с мировыми войнами количество жертв), тем не менее является (в пересчете на количество живущих) наименее кровавым за всю историю человечества.

Дав объяснение феномену последовательного падения коэффициента кровопролитности, Назаретян делает другое важнейшее открытие, названное им принципом техно-гуманитарного баланса. Суть его в следующем: развитие технологического могущества (будь то производство оружия или мирной технологии, например, поливного земледелия, использование гербицидов, генетически модифицированных продуктов или, скажем, нанотехнологий) всегда имеет побочные результаты с негативными последствиями и должно ограничиваться и корректироваться выработкой неких гуманитарных правил – ограничителей безудержной экспансии технологического могущества. Например, интенсивное использование ирригации и орошения в земледелии в странах Междуречья вызвало кризис, связанный с засолением почв и их оскудением, что, в свою очередь, обусловило распад великих ближневосточных империй. Другой пример. Появление железных орудий труда не только увеличило эффективность труда земледельцев, но их меньшая цена и большая доступность привели к переходу от небольших профессиональных армий, вооруженных дорогим и тяжеловесным бронзовым оружием, к практически повсеместному вооружению всего мужского населения и, как следствие, к геноциду поверженного противника. Ответом на этот цивилизационный кризис стало, по мысли К. Ясперса, «осевое время» – появление мировых религий, обусловивших переход от племенных богов с их противопоставлением «они – мы» к объединяющей монотеистической вере («Нет эллина и нет иудея, но есть христианин»). Со временем на смену религиозным ценностям (или параллельно им) приходят гуманитарные, социалистические, экологические, феминистические

или иные ценности, ограничивающие бесконтрольный рост технологического или социального могущества.

Считается, что первые поселения городского типа, послужившие зародышем государственных образований, возникли 6–4 тыс. лет тому назад более или менее независимо друг от друга в нескольких регионах Северной Африки, Ближнего и Дальнего Востока и позже (2,5–1,5 тыс. лет назад) – Америки. Ни один период истории до эпохи Возрождения не дал миру такого количества открытий и приращения знаний. «За сравнительно короткий по историческим меркам период люди научились использовать энергию ветра и силу рычага, придумали плуг и колесо, построили парусник, научились плавить медь (создав металлические орудия) и начали разработку солнечного календаря. Но еще важнее то, что образование городов ознаменовалось появлением письменности» (Назаретян 2013: 164).

К концу 2-го тыс. до н. э. появились письменные документы, регламентирующие правовые отношения – законы Уруинимгины, Ур-Намму в Шумере и вавилонского царя Хаммурапи, то есть возникло право как регулятор социального поведения. С появлением городской цивилизации мы видим несомненное наличие прогресса. Но, как пишет Назаретян, прогресс в эволюции неизбежно порождает новые проблемы, а за ними и новые кризисы. Решение кризисных ситуаций не связано с выбором наиболее желанного пути (в действительности его просто не бывает), а представляет собой выбор лучшего из веера неблагоприятных возможностей. То есть человечество движется не по пути к некоторому гипотетическому раю на земле, а с развитием новых технологий неизбежно сталкивается с новыми техногенными кризисами и с проблемой их решения. Как движущийся велосипедист, чтобы не упасть, должен все время крутить педали, так и человечество в своем антропогенезе должно непрерывно действовать для преодоления кризисных ситуаций. Сохранение равновесия в эволюционном движении обеспечивает, по мысли Назаретяна, техно-гуманитарный баланс, выступающий сдерживающим фактором и регулятором для все возрастающего технологического могущества. Человечество вынуждено вырабатывать гуманитарные регуляторы, ограничивающие безудержную экспансию собственных возможностей в военной и технологической сфере. В свою очередь, это связано с появлением новых психологических качеств. Так, Назаретян ссылается на работы известного специалиста по литературе и истории античности

В. Н. Ярхо, где показано, что до V в. до н. э. человечество не ведало «феномена совести» и что именно с этой эпохи ведет свои истоки интимный фактор морального выбора. «Герои Гомера, Софокла, даже Эсхила и Еврипида говорили о страхе, стыде и позоре и переживали по поводу своих недостойных поступков лишь в связи с неизбежным разоблачением. Их моральные резоны насквозь мифологичны и зациклены на каре всемогущих богов. Мифологически мыслящему человеку неведома “роскошь человеческого одиночества”, он, подобно маленькому ребенку, постоянно ощущает себя объектом наблюдения, а все внешние события воспринимает как вызванные чьей-то интенцией. У Сократа впервые происходит в рассуждениях переход от оглядки на внешних судей к ответственности перед собственным разумом, а римлянин Сенека заговорил о рабах как “собратях по человечеству”. Полтора тысячелетия спустя арабские философы – зиндики (атеисты) и дохриты (материалисты) обозначили эту внутреннюю силу, регулирующую поступки человека, как Инсанийя – человечность» (Назаретян 2013: 184).

Пример техно-гуманитарного дисбаланса, а затем его преодоления дает средневековая Европа. «Совокупность идеологических, технологических и политических факторов обусловила бурный рост населения Западной Европы. С X по XIV век оно более чем удвоилось и превысило 54 млн человек. Но феодальное хозяйство допускало только экстенсивный путь развития, т. е. расширение обрабатываемых площадей. Лесной покров Европы быстро сокращался, а хозяйству требовалось все больше земли. Люди концентрировались в растущих городах, не ведавших очистительных сооружений и иных механизмов долгосрочного функционирования и не успевавших адаптироваться к растущему населению. Бесконтрольно росли свалки, реки превращались в сточные канавы кожевенных и прочих ремесел, всех отходов городской жизнедеятельности. В последней трети XIII века по разным странам прокатилась волна городских бунтов. Апофеозом позднего Средневековья стала беспримерно кровопролитная Тридцатилетняя война. Но самым страшным следствием этого процесса стала “черная смерть” – эпидемия чумы, разразившаяся в XIV веке и унесшая 24 миллиона жизней (чуть ли не половину населения Западной Европы!), перекинувшаяся и в Россию... Есть данные о том, что при Иване Грозном площадь лесов в Подмоскowie значительно уступала нынешней, а Москва-река была загрязнена сильнее, чем в самый пик индустриализации. <...> Обострение экологического и военно-поли-

тического кризиса вызвало эпидемию страха, который приобретал все более иррациональный характер, оборачиваясь вспышками истерии и агрессии. Боялись уже не только Конца света, но также дьявола, инородцев, иноверцев, колдунов и ведьм. В поисках виновников народных бед находили все новые жертвы, и клерикалы умело натравливали обезумевшие толпы на иудеев (которых живьем закапывали в землю целыми поселениями), еретиков, ученых мужей и красивых женщин, которых забивали, топили в реках и сжигали на кострах» (Назаретян 2013: 201). Формой преодоления господствующего мировоззрения стало обращение элиты к духовному наследию Греции и Рима и к их цивилизационным достижениям, отчасти сохраненным и транслированным арабами. Стали востребованы идеи Античности и гуманизма, а следом за ними – идеи социального прогресса и церковной Реформации. Как писал Макс Вебер, протестантизм мостил дорогу капитализму, снявшему многие кризисные проблемы феодализма, но породившему, в свою очередь, собственные проблемы конфликта труда и капитала.

Практически всю историю человечества Назаретян рассматривает через призму закона техно-гуманитарного баланса, а конструируя модель возможного будущего (во второй, меньшей части книги), делает акцент на развитии неплеменной, неконфессиональной, несоциальной морали, исключаяющей противопоставление «мы – они».

Развивая синергетический подход применительно к гуманитарной сфере, Назаретян делится своими разработками и размышлениями, а также весьма щедро помогает коллегам доводить их собственные идеи до точных формулировок. Так благодаря Назаретяну в мировой научной литературе появились в качестве терминов «вертикаль Снукса – Панова», «закон Седова», «закон необходимого разнообразия» и «закон иерархических компенсаций».

**Список принципов, законов и закономерностей,
выделенных и описанных А. П. Назаретяном в его книге
«Нелинейное будущее»**

«...Датский историк Ж. Ромейн сформулировал “закон перерывов прогресса”: каждая страна-пионер новой, более продвинутой фазы цивилизации достигает предела, за которым развитие затруднено, и дальнейшие шаги осуществляются на новой территории» (Назаретян 2013: 67). Можно отметить, что российский экономист

академик С. Ю. Глазьев также рассматривает смену лидерства тех или иных стран при переходе к новым технологиям.

Закон избыточного (необходимого) разнообразия У. Р. Эшби заключается в том, что условием преодоления будущих кризисов является накопление избыточных (то есть не задействованных на данный момент для механизмов выживания) ресурсов. «Зависимость между внутренним разнообразием и эффективностью управления – закон необходимого разнообразия – объясняет механизмы устойчивости систем к внешним и внутренним флуктуациям в очень широком диапазоне – от физических и биотических процессов до феноменов социологии, психологии и семиотики...» (Назаретян 2013: 247).

Закон иерархических компенсаций Е. А. Седова (1993) заключается в том, что развитие на более высоких уровнях системного целого требует консервации и стандартизации содержания на более низких уровнях. Так, например, строение клетки – базового элемента живых организмов – практически идентично у всей флоры и фауны. Набор генов на 99,9 % совпадает для всех приматов и антропоидов и т. п. В истории развития техники, например электротехники, многообразие вариантов величины электрического напряжения в различных городах и странах сменилось универсальным единообразием и единым напряжением тока.

Принцип техно-гуманитарного баланса Назаретяна заключается в том, что для сохранения устойчивого развития технологические достижения человечества, связанные с увеличением производительной и военной мощи, должны дополняться развитием духовно-нравственных регуляторов, призванных контролировать и ограничивать использование неконтролируемого могущества.

Вертикаль Снукса – Панова представляет собой закономерность, описывающую ускорение эволюционных процессов по типу гиперболы. Сходные идеи об ускорении человеческой эволюции выдвигались российскими учеными Б. Ф. Поршневым (1966) и И. М. Дьяконовым (1994). Австралийский экономист Г. Снукс (Snooks 1996), а затем российский астрофизик А. Д. Панов (2009; 2013) выразили сходные идеи по поводу динамики эволюции с помощью математического формализма.

Вторая, меньшая по объему часть книги Назаретяна посвящена футурологическому прогнозу будущего. Он избегает жестких, однозначных предсказаний, а тяготеет скорее к паллиативному вееру возможностей, делая акцент на проблеме морального выбора в

конструировании будущего. «Не составляет секрета, – пишет Назаретян – влияние прогнозов на ход масштабных исторических событий» (Назаретян 2013: 14). Р. Мертон назвал такое влияние «самоисполняющимся пророчеством» (*self-fulfilling prophecy*). В то же время «марксистские, расистские и неомальтузианские модели будущего (и примеры их драматического воплощения) сыграли также и предостерегающую роль, помогая во многих случаях предотвратить худшие варианты развития событий. Скажем, опасение возможных пролетарских революций (особенно после драматических событий в России) побуждало правящие классы к эффективному поиску компромиссов между трудом и капиталом. Кошмарный опыт нацизма выработал у европейцев иммунитет к теориям расовой исключительности. А шокирующие расчеты, приведенные в первых докладах Римскому клубу, наложившись на наблюдаемые последствия техногенных катастроф, способствовали развитию экологического сознания как политических и экономических лидеров, так и широкой публики. Во всех этих случаях сработал противоположный эффект прогнозирования» (Там же).

В многоплановой глубокой книге Назаретяна имеется ряд спорных, по мнению рецензента, положений. Так, в нейропсихологии, пишет Назаретян, показано, что переживание каждой эмоции связано с возбуждением определенных нейронов в лимбической системе головного мозга. При длительном отсутствии возбуждения порог возбудимости нейрона снижается, и это проявляется в соответствующей эмоции (Лоренц 2008; Vaginago 1992). «Поскольку же все нейроны и в различных конфигурациях должны периодически возбуждаться, организму требуется переживать все многообразие эмоций, потенциально заложенных в его нейрофизиологической структуре» (Назаретян 2013: 59). Отсюда, по мысли Назаретяна, неизбежная тяга даже самых мирных людей к спонтанно возникающей агрессии, к садомазохистским проявлениям, а обществу в целом присуща тяга к «малым победоносным войнам». На мой взгляд, Акоп Погосович впадает в «нейрофизиологический детерминизм», противореча собственным рассуждениям об уровне организации человеческой психики и возможности в рамках техногуманитарного баланса тормозить высшими уровнями саморегуляции проявления архаичных наклонностей.

Другое наше возражение связано с ролью христианства и – более широко – различных религий в поддержании неконфронтационных отношений как между отдельными людьми, так и между

большими сообществами. «Социологи религии, – пишет Назаретян, – отмечают, что по-настоящему верующий человек (не ряженый и не ангажированный “политический модератор”) не может оставаться терпимым к конкурирующей Истине: “чужой” бог, пророк или “чужое” откровение вызывают утробную агрессию» (Назаретян 2013: 352). Присоединяясь к мнению Б. Ф. Поршнева о том, что корень нетерпимости и агрессии по отношению к людям с несхожей этнической или религиозной принадлежностью лежит в противопоставлении «они – мы», Назаретян дает относительно негативную характеристику раннему христианству, упрекая его в нетерпимости, ссылаясь на слова Христа: «Не мир я принес вам, но меч» и «Враги ваши – ваши близкие». Я согласен с амбивалентной ролью христианства, несшего объединительное начало – «нет эллина и нет иудея, но есть христианин», а также образование (священники были наиболее грамотными членами общества, и первые университеты в Европе формировались на базе монастырей и теологических факультетов), и в то же время разжигавшего нетерпимость к инакомыслящим, дававшего идеологическое обоснование идее «священной войны», созданию инквизиции и преследованию еретиков. Но в этом вряд ли повинны высокодуховные идеи самого Христа. Широко известны крылатые слова Ж. Дантона, сказанные им перед казнью: «Революция, как Хронос, пожирает своих детей». И история человечества показывает, что практически любая идеология (религиозная или светская) оборачивается на какие-то моменты истории полной своей противоположностью. Во имя любви к богу горели костры инквизиции, из любви к освобожденному человечеству «рыцари революции» в лице НКВД загоняли это человечество в концлагеря и на «стройки века». Ф. М. Достоевский пророчески описал в притче о Великом инквизиторе осуждение Христа на смерть при его гипотетическом втором пришествии.

«...Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он один, дверь за ним тотчас же запирается. Он останавливается при входе и долго, минуту или две, всматривается в лицо его. Наконец тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит ему: “Это ты? Ты? – Но, не получая ответа, быстро прибавляет: – Не отвечай, молчи. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь. Да ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде. Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это зна-

ешь. Но знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к твоему костру угли, знаешь ты это? Да, ты, может быть, это знаешь”, – прибавил он в проникновенном раздумье, ни на мгновение не отрываясь взглядом от своего пленника...» (Достоевский б. г.)

«Имеешь ли ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел?.. Нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле. Все, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не ты ли так часто тогда говорил: “Хочу сделать вас свободными”. Но вот ты теперь увидел этих “свободных” людей, – прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой. – Да, это дело нам дорого стоило, – продолжает он, строго смотря на него, – но мы dokonчили, наконец, это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не устаиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы...» (Там же). «Ибо теперь только (то есть он, конечно, говорит про инквизицию) стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? “Тебя предупреждали, – говорит он ему, – ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но ты не послушал предупреждений, ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, ты передал дело нам”. Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать, и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришел нам мешать?» (Там же).

Но вернемся к цитатам из Евангелия и проблеме их интерпретации. В свое время выдающийся этнограф Л. Леви-Брюль выдвинул концепцию «дологического мышления», свойственного перво-

бытному человеку. Леви-Брюль (1930) видит в готовности туземцев называть себя одновременно людьми и львами свидетельство игнорирования ими закона противоречия. Возражение психолингвистов состоит в том, что первобытный язык не содержит лингвистических средств для обозначения абстрактных свойств типа «смелость», а потому вместо европейского выражения «этот человек смел, как лев» туземец говорит «этот человек – лев». В современной культуре такой способ выражения характерен для поэтической метафоры. Удивительно, что, вполне аргументированно критикуя концепцию Леви-Брюля, Назаретян следует его логике, интерпретируя выражение Иисуса Христа «Не мир я вам принес, но меч», видя в нем не метафорическое выражение неприятия мира, а неприкрытый призыв к агрессии. Аналогично и высказывание Христа «Враги человека – близкие его» трактуется Акопом как проявление нетерпимости. Я склонен трактовать эти слова как призыв отказаться от сковывающих человека обыденных представлений, мешающих движению человека к духовности и выходу на высокие уровни трансцендентального.

Хотя Назаретян стоит на антиклерикальных позициях, его работы можно назвать неорелигиозными или квазирелигиозными, роль главного медиатора космической эволюции в них отводится человечеству. Они базируются на том, что жизнь является космологически фундаментальным фактом, что «Вселенная человекомерна и самые существенные события Космоса складываются из наших мыслей и поступков, что освобождает от необходимости в мистических откровениях. Человек превращается из исполнителя небесной воли в создателя Земли и – потенциально – неба, и это один из живых источников, способных утолить тоску критического сознания по высоким смыслам» (Назаретян 2013: 386).

«Тоскующий по бессмертию Человек окажется эволюционным мостом между бессмертной Обезьяной и бессмертным Сверхразумом. И в неведомом сверхчеловеческом языке самый настырный из Смыслов добьется, наконец, ответа от высокомерной Вечности, и их любовный союз родит новые метагалактики по сценарию астрофизика Ли Смолина и его школы» (Там же: 402).

Книга Назаретяна, безусловно, событие в научном мире, и почти наверняка в недалеком будущем историки науки, ссылаясь на славные имена предтеч и пророков интегральной философии, стремившихся заглянуть в будущее: Н. Ф. Федорова, В. И. Вернадского, А. Бергсона, П. Тейяра де Шардена, К. Э. Циолковского,

С. Лема, Д. Медоуза, В. С. Степина, Р. Пенроуза, К. Уилбера, добавят в этот список и фамилию А. П. Назаретяна. Его новая книга «Глобальное прогнозирование в свете Мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего» (Назаретян 2018) представляет собой футурологический прогноз новейшей истории.

Принято представлять пророков ветхозаветными старцами, передающими сакральные тексты, имеющими божественное происхождение. Назаретян – пророк современного мира, где его прогнозы, основанные на колоссальном труде и творческой интуиции, еще недостаточно поняты и оценены современниками. Но, как пророчествовала Марина Цветаева, «моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед». Блестящие труды Акопа Назаретяна не только описывают историческую реальность, но и, как самореализующиеся прогнозы, закладывают и формируют это будущее. Акоп, отчасти переживавший свою недостаточную востребованность у современников, может быть спокоен. Его вклад в будущее уже состоялся, и поблагодарим судьбу, что мы многие годы были рядом и общались с этим глубоким, удивительным человеком.

Литература

Бергсон, А. 1998. *Творческая эволюция*. М.: Канон-пресс.

Достоевский, Ф. М. Б. г. *Братья Карамазовы*. URL: <https://ilibrar.ru/text/1199/index.html>.

Дьяконов, И. М. 1994. *Пути истории. От древнейшего человека до наших дней*. М.: Вост. лит-ра.

Леви-Брюль, Л. 1930. *Первобытное мышление*. М.: Атеист.

Лекторский, В. А., Касавин, И. Т., Петренко, В. Ф., Пружинин, Б. И., Князева, Е. Н., Розов, М. А. и др. 2008. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы круглого стола). *Вопросы философии* 3: 3–37.

Лоренц, К. 2008. Так называемое зло. К естественной истории агрессии. В: Лоренц, К., *Так называемое зло*. М.: Культурная революция, с. 87–310.

Назаретян, А. П. 1995. Истина как категория мифологического мышления. *Общественные науки и современность* 4: 106–109.

Назаретян, А. П. 2013. *Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования*. М.: МБА.

Назаретян, А. П. 2018. *Глобальное прогнозирование в свете Мега-истории и синергетики. Очерки истории будущего*. М.: ИВ РАН.

Панов, А. Д. 2009. Наука как феномен эволюции. В: Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротаев, А. В. (ред.), *Эволюция: космическая, биологическая, социальная*. М.: ЛИБРОКОМ, с. 99–127.

Панов, А. Д. 2013. Природа математики, космологии и структура реальности: физические основания реальности. В: Казютинский, В. В. (ред.), *Метавселенная, пространство, время*: сб. М.: ИФ РАН, с. 74–103.

Петренко, В. Ф. 2013. *Многомерное сознание: психосемантическая парадигма*. М.: Эксмо.

Петренко, В. Ф. 2014. Команданте Хакобо и его «нелинейное будущее». *Вестник Российской академии наук* 84 (11): 1042–1047.

Поршнева, Б. Ф. 1966. *Социальная психология и история*. М.: Наука.

Седов, Е. А. 1993. Информационно-энтропийные свойства социальных систем. *Общественные науки и современность* 5: 92–101.

Спирин, А. С. 1986. *Молекулярная биология. Структура рибосомы и биосинтез белка*. М.: Высшая школа.

Степин, В. С. 2003а. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. *Вопросы философии* 8: 5–17.

Степин, В. С. 2003б. *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция.

Чайковский, Ю. В. 2006. Как возникла жизнь? *Эволюция* 3: 9–11.

Varinago, V. 1992. How Scary Things Get That Way. *Science* 258: 887–888.

Spooks, G. D. 1966. *The Dynamic Society. Exploring the Sources of Global Change*. London; New York: Routledge.